

✓ «МЫ ЕЩЕ БУДЕМ ТАНЦЕВАТЬ ДЕВЯТУЮ СИМФОНИЮ...»

В 1905 году в Берлин приехала молодая, но уже знаменитая в Европе американская танцовщица Айседора Дункан. Создательница так называемого пластического танца прибыла сюда осуществить свою давнюю мечту: открыть школу для детей. Она верила, что с помощью продуманной системы воспитания с раннего возраста можно создать нового, гармоничного человека. В ее систему входило и постоянное общение с природой, и отличное гуманитарное образование, включающее знакомство с высшими достижениями мировой философской мысли, литературы и искусства, и в особенности разработанный ею танец, основанный на традициях античной и в некоторой степени японской хореографии. Для осуществления своей цели, требовавшей огромных расходов, эта необыкновенная женщина готова была отдать все гонорары, достигавшие в те годы немалых размеров.

Айседора Дункан (эта транскрипция вошла в традицию и стала уже фактом истории русской культуры, правильно же ее имя произносится Изэдора Данкен) родилась в США, в небогатой семье ирландского происхождения, в 1877 году. Танцевать она начала с детства. В ее семье все были также причастны к искусству: мать была пианисткой, братья стали актерами и режиссерами, сестра — известным педагогом-хореографом. В 1899 году семья почти в полном составе переехала в Европу. За последующие шесть лет Айседора успела стать выдающейся танцовщицей, побывать в Англии, Франции, Германии, Австрии, Венгрии, Италии, Греции и России. Она постоянно занималась самообразованием: много читала, посещала лучшие музеи, изучала историю искусств и философию, а главное — общалась с выдающимися деятелями европейской культуры, в числе которых были Эрнст Геккель, Огюст Роден, Козима и Зигфрид Вагнер, Энгельберт Хумпердинк, Эллен Терри, Элеонора Дузе, Патрик Кемпбелл, Гордон Крэг, Викторьен Сарду, а в России — К.С. Станиславский, Анна Павлова, Матильда Кшесинская, Тамара Карсавина, Л. Бакст, А.Бенуа, С.Мамонтов, С.Дягилев...

В 1905 году Айседоре было 28 лет. Прибыв в Берлин с матерью и сестрой, она сняла в одном из берлинских пригородов Грюнвальде виллу и дала в газетах объявление о наборе сорока девочек, которые

В день свадьбы с Есениным. Справа налево: Есенин, Айседора, Ирма. Хамовнический загс. 2 мая 1922 г.

вскоре и были отобраны из большого количества претенденток. С этого момента и на много лет вперед ее судьба оказалась тесно связана с судьбой ее обожаемых учениц, воспитанию которых она отдавала все свои силы, часто в ущерб собственным творческим планам. Ей удалось дать им первоклассное образование. Они, как и их великая учительница, говорили на всех основных европейских языках и ездили с ней по всему миру. Многие из них впоследствии стали прекрасными танцовщицами или преподавательницами танца. Особенно это касается знаменитой шестерки лучших учениц, так называемых «Дункантанцовщиц», которых Айседора сделала своими приемными дочерьми и официально присвоила им свою

громкую фамилию Дункан. Это были Анна, Ирма, Лиза, Марго, Тереза и Эрика. Любовь к ним особенно усилилась у Айседоры после трагической гибели в волнах Сены в 1913 году двоих ее детей и смерти через год сразу после родов ее третьего и последнего ребенка.

Айседора опекала всю «шестерку» вплоть до 1921 года, когда они оперились и вылетели в свет. Кроме рано умершей Марго, остальных ждала долгая жизнь и блестящая карьера. Некоторые из старших учениц, помимо успехов в овладении искусством пластического танца, обнаружили наклонности к преподаванию. Особенно это относится к Ирме, которая уже в пятнадцать лет стала ассистенткой Айседоры в преподавании ее танцев и оставалась ею на протяжении последующих двенадцати лет.

В феврале 1997 года исполнилось 100 лет со дня рождения Ирмы Дункан, проведшей, можно сказать, всю свою молодость (с 1921 по 1928 год) в Москве, ставшей с 1924 года руководительницей основанной ею тремя годами ранее совместно с Айседорой школой танцев Дункан. Здесь выпестована большая группа русских учениц, впоследствии прекрасных танцовщиц московской концертной Студии Дункан.

Ирма Доретта Генриетта Эрих-Гримм, впоследствии Дункан, родилась в феврале 1897 года в маленьком городке под Гамбургом. Когда ей было восемь лет, прочитав в газете объявление о наборе в школу Дункан, мать отвезла ее в Берлин, и с тех пор Ирма жила и воспитывалась при Айседоре, став ее любимой ученицей и главной помощницей в преподавании танцев. Вместе с ней она была почти во всех турне по странам и континентам.

Еще до революции Айседора совершила три весьма успешных турне по России и завела здесь обширные связи. Дважды с ней побывала в России и Ирма. В мае 1914 года Ирма вместе с другой ученицей, Анной, самостоятельно приехала в Санкт-Петербург, отобрав по просьбе Айседоры группу русских учениц для школы танцев Дункан в Бельвю под Парижем. Эта школа воплотила все мечты Айседоры и уже начала давать прекрасные плоды, когда из-за начавшейся первой мировой войны и наступления немцев на Париж ее пришлось закрыть, и в здании был устроен военный госпиталь.

Закончилась мировая война. В 1921 году, как известно, Айседора приняла приглашение А.В. Луначарского и Л.Б. Красина приехать в Советскую Россию для открытия там своей школы танцев для детей рабочих и крестьян. С ней должны были ехать три ученицы из числа «шестерки», однако в последнюю минуту две из них не решились. Поехала лишь Ирма.

В Москве Айседора и Ирма встретились с многими прежними знакомыми: Станиславским, Луначарским, Конёнковым... Вскоре им выделили для школы великолепный особняк на Пречистенке, д. 20 (адрес не изменился до сих пор), принадлежавший ранее чаепитовцу Ушкову и его жене, известной балерине Балашовой, эмигрировавшим в Париж. Было отобрано сорок маленьких учениц (впрочем, первое время сре-

ди них было и несколько мальчиков) из огромной толпы претендентов, и 3 декабря 1921 года Государственная Школа танцев Дункан была открыта.

За месяц до этого Айседора и Ирма с группой только что принятых детей выступили на гала-концерте в Большом театре в честь четвертой годовщины Октябрьской революции. Выступлением с симфоническим оркестром под управлением Н. Голованова прошло с огромным успехом. Были исполнены хореографические интерпретации Шестой симфонии и «Славянского марша» П.И. Чайковского, а также официального гимна «Интернационал». Сидевший в ложе Ленин бурно аплодировал и затем прислал Айседоре и Ирме букеты цветов.

Между тем вновь открытая школа испытывала серьезные трудности. В России начинался НЭП, и советское правительство, горячо приветствовавшее приезд знаменитой танцовщицы, из которого постаралось извлечь максимальную пропагандистскую выгоду, неожиданно отказалось от гарантированного Айседоре государственного финансирования школы и, по существу, бросило ее на произвол судьбы в условиях надвигавшейся как раз тогда рыночной стихии — без средств на оплату отопления, освещения, услуг педагогов и прочего персонала. Айседора не хотела оставить своей мечты, и для спасения школы ей пришлось предпринять трудные и зачастую мучительные для нее коммерческие гастроли по России, а также по Европе и Америке.

Во время всех ее отлучек, иногда весьма длительных, единственной преподавательницей танцев и художественным руководителем Школы оставалась Ирма Дункан. Впрочем, и когда Айседора была в Москве, преподавание танцев лежало на плечах юной Ирмы. Айседора отдавала много времени общению с представителями литературно-художественной московской богемы. К тому же вскоре начался ее бурный роман с Сергеем Есениным, с первого дня развивавшийся на глазах у Ирмы.

Чтобы выполнить свое горячее желание и вывезти своего обожаемого друга в Европу и Америку без затруднений, Айседоре пришлось преодолеть свое отвращение к «буржуазному институту брака», и 2 мая 1922 года в ЗАГСе Хамовнического района Москвы был заключен гражданский брак между поэтом Сергеем Есениным и танцовщицей Айседорой Дункан — первый и последний официальный брак в ее жизни. Ирма присутствовала на церемонии. Сохранилась сделанная в этот день фотография. А 10 мая Айседора и Сергей вылетели на самолете в поездку, продолжавшуюся год и три месяца, во время которой они побывали в Германии, Франции, Италии и Америке. Все это время Ирма самоотверженно по восемь — девять часов в день ежедневно занималась в Москве с маленькими ученицами пластическим танцем, а также гимнастикой. Вскоре она достаточно овладела русским языком, хотя иногда делала забавные ошибки, над которыми первая же смеялась от души, например: «Девочки, как ужасно вы делаете это движение, просто *куруца с насморком!*» (курам насмех). У нее была чудесная фигура, большое чувство юмора в сочетании с немецкой

дисциплиной и аккуратностью, и она сама была великолепной танцовщицей.

В Москве Ирма влюбилась и вышла замуж за красавца и донжуана Илью Ильича Шнейдера (1891 — 1980), известного московского балетомана и журналиста, с первых дней ставшего по рекомендации Луначарского секретарем и помощником Айседоры, затем бессменным административным директором ее московской школы, а позже Студии Дункан. У Шнейдера было несметное количество жен и подруг, среди которых известные балерины Мария Арто, Екатерина Гельцер, Викторина Кригер. В молодые годы он дружил с А.Н. Вертинским, В.В. Маяковским, С.А. Есениным. Вообще он был очень интересным и разносторонне одаренным человеком, а его роману с Ирмой способствовало его свободное владение немецким языком.

В августе 1923 года Айседора и Есенин вернулись в Москву. Вскоре последовал их разрыв, а через год, дав в сентябре 1924 года на сцене Большого театра, а также Камерного театра Таирова серию прощальных концертов, Айседора навсегда покинула Россию. После недолгого пребывания в Германии она обосновалась во Франции, где в Париже и Ницце прошли последние три года ее бурной жизни.

Отовсюду, где бы она ни была, — из Германии, Франции, с Урала и из Средней Азии — Айседора постоянно переписывалась с Ирмой. Вот что писала она из Ташкента 10 июля 1924 года: «Мужайся; долог наш путь, но впереди — свет. Мое искусство было цветом эпохи, но эпоха эта умерла, и Европа — прошлое. Эти одетые в красные туники младенцы — будущее. Поэтому прекрасно работать для них. Паши землю, сей семена и готовься к следующим поколениям, которые отправятся в новый мир...»

Передай мою любовь всем друзьям. Любовь — детям. Вся моя любовь — тебе. Ты — моя единственная последовательница, и с тобой я вижу будущее. Да, вот оно, — и мы еще будем танцевать Девятую симфонию».

В прощальном сольном выступлении перед публикой в 1934 году в Нью-Йорке последним танцем Ирмы была именно «Ода к радости» из Девятой симфонии Бетховена...

Находясь на гастролях в Донбассе, Ирма, Шнейдер и все ученицы с болью узнали о гибели Айседоры. После этого Ирма еще два года жила в Москве, продолжая руководить Школой на Пречистенке и учить детей, которые ездили с ней в гастрольные турне по всей стране и даже в Китай. Выступления неизменно проходили с огромным успехом. Вот что писала одна из газет:

«Пятнадцать юных студийек демонстрировали новое, радостное искусство. Легкий, как воздух, танец Ирмы Дункан уносил зрителя в светлое радостное царство, струил со сцены лучи солнца. Сама Ирма Дункан превосходная артистка. Ее темперамент придает танцу особую живость».

К 1929 году стали явственно ощущаться признаки начинающегося ужесточения режима. Ирме вме-

сте с известным американским импресарио Солом Юроком удалось организовать американское турне лучших 11 учениц школы. Это турне оказалось необыкновенно успешным и продолжалось около полутора лет. К тому времени брак Ирмы со Шнейдером уже распался — он предпочел ей одну из юных учениц Школы, Марию Борису, будущую звезду Студии Дункан, карьера которой была, к сожалению, недолгой. Во время турне ученицы танцевали по всей Америке, выступили и в Париже. Сама Ирма также с успехом участвовала в танцах. Наконец, власти в Москве стали категорически настаивать на возвращении всех учениц. Как писала позже Ирма, советский консул в Вашингтоне Боровский провел со старшими ученицами тайком от нее совещание, пригрозив репрессиями их родным в СССР, если они не возвратятся. Ирма уговаривала девочек остаться, обещая им блестящее будущее на Западе, и даже в отчаянии пыталась задержать их багаж, но безуспешно. С ужасом прочла она вскоре сообщения в американских газетах о том, что сразу же по возвращении в Москву ученицы якобы подверглись репрессиям. Проверить эти сообщения она не могла, и связь с ученицами прервалась на много лет. Возвращаться в Москву, где к тому же Школа по-прежнему не получала дотации от государства и все время висела на волоске, Ирма сочла невозможным, о чем писала в своих позднейших мемуарах с подлинной душевной болью. В Нью-Йорке, начав все с нуля, она набрала маленьких учениц и, проявив незаурядное мужество, упорство, силу воли и работоспособность, открыла в Америке Школу танцев Дункан, которой успешно руководила многие годы. Как некогда Айседора, она и сама танцевала на сцене, одна и вместе с ученицами. Ей принадлежит основная заслуга в том, что в США до сих пор успешно живет пластический танец, а в Нью-Йорке, Бостоне и Сан-Франциско работают школы танцев Дункан.

Уйдя со сцены в 1934 году, Ирма продолжала преподавать, а также серьезно занималась живописью. Вообще ее жизнь в Америке сложилась удачно. В начале 30-х годов она вышла замуж за молодого юриста Шермана Роджерса, с которым прожила долгие и счастливые годы в их уютном бело-голубом доме среди зеленых холмов в городке Лонгвей в штате Нью-Йорк. Она сама расписала и разукрасила дом, где принимала многих гостей, угощая их блюдами собственного приготовления. Ирма осталась верной памяти своей любимой приемной матери. До конца своих дней она не могла вспоминать о ней без слез, повторяя: «Со смертью Айседоры свет ушел из моей жизни». Она написала и издала три книги: окончание недописанной автобиографии Айседоры (совместно с А.Р. Макдугаллом), книгу о технике танца Айседоры Дункан и методике его преподавания, а также большую автобиографическую повесть. Собранную ею за многие годы коллекцию документов об Айседоре она передала в фонд Дункан при Нью-Йоркской Публичной библиотеке.

Как рассказывала мне одна из участниц того до-стопамятного турне по Америке Елена Владимиров-

на Терентьева, в Москве вернувшихся юных танцовщиц ждало полное равнодушие — их уже, можно сказать, не ждали. За время их отсутствия Школа была выселена из особняка на Пречистенке и фактически перестала существовать. Героическими усилиями И. Шнейдера удалось собрать лучших учениц Айседоры и Ирмы и организовать Студию танцев Дункан. Не имея постоянного помещения для репетиций, в бесконечных разъездах по стране (за рубеж их больше не пускали) эта студия, отношение властей к которой чем дальше, тем более становилось подозрительным, тем не менее не только продолжала существовать, но и успешно выступать, набрав несколько танцовщиц нового поколения и создав ряд удачных новых танцев при участии таких известных балетмейстеров, как Л. Лукин, В. Бурмейстер и Л. Якобсон. Их выступления имели большой успех у публики и прекрасную прессу как до войны, так и во время войны и в первые послевоенные годы. Московская школа, а впоследствии Студия Дункан хранила живую преемственность искусства своей великой основательницы и ее любимой ученицы.

В начале 1949 года Студией были даны два последних весьма успешных концерта в Зале Чайковского в Москве, но это был конец. Уже раскручивался очередной виток репрессий, обрушившийся на сей раз на всю советскую культуру после известных постановлений Центрального Комитета, погромных речей А. Жданова и кампании по борьбе с «космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». В печати были инспирированы разгромные рецензии, вроде статьи А. Анисимова в газете «Советское искусство» от 19 марта 1949 года, в которой автор писал: «Враждебные советскому народу, чуждые советской эстраде влияния безродных космополитов, постыдное преклонение перед “заграничным” необходимо искоренить. Следует пересмотреть и деятельность Студии Дункан, пропагандирующей болезненное, декадентское искусство, завезенное в нашу страну из Америки, далекое по своему существу от основ реалистического народного искусства».

Через два месяца Студия была ликвидирована. Руководитель Студии Дункан И. Шнейдер не избежал печальной участи многих деятелей культуры того времени. Как раз во время короткого промежутка между двумя последними концертами Студии в Зале Чайковского он был арестован, допрошен лично Бериевским обер-палачом В. Абакумовым, так впечатляюще изображенным Солженицыным в его романе «В круге первом», и приговорен к десяти годам, из которых успел отсидеть шесть. Он вернулся в Москву полностью реабилитированным только в 1955 году...

В 1963 году, в разгаре «хрущевской оттепели», группа бывших московских учениц Айседоры и Ирмы Дункан, впоследствии солисток Студии, обратилась с письмом к тогдашнему министру культуры СССР Е.А. Фурцевой с предложением оказать помощь в восстановлении в Москве Студии танцев Дункан. И вот какой они получили ответ:

«Искусство пластического танца, как художественное направление, представляемое А. Дункан и ее последователями, имело прогрессивное значение в первые годы советской власти. С этого времени пластический танец утратил самостоятельное значение для советского зрителя. Подчинить обучение современных танцовщиц изучению пластики было бы неправильным. Отдел музыкальных учреждений Министерства культуры СССР не считает целесообразным организацию студии пластического танца».

В 1967 году в переписку с Ирмой вступила советская балетная писательница и журналистка Н.П. Рославлева, свободно владевшая английским. По просьбе Ирмы, около сорока лет не имевшей никакой связи со своими бывшими ученицами, она не без труда разыскала некоторых из них в Москве и сообщила им о том, что их учительница жива и ждет их писем, а также ее американский адрес. Ни одна из них так и не написала тогда Ирме, что вполне объяснимо: страх еще слишком был жив в их сердцах. Лишь через восемь лет прекрасная танцовщица и бывшая солистка Студии Дункан Валентина Бойе, ныне, увы, покойная, решила написать Ирме в Санта-Барбару, куда та переселилась с мужем, и тут же получила от нее ответ, исполненный радости и трогательной любви: «Дорогая моя Валя! Я очень хорошо помню и тебя, и всех остальных моих учениц из Московской школы, которые танцевали со мной здесь, а также в России и в Китае. Я не забыла никого. О, как часто я думала о вас всех и хотела знать, что произошло с вами во время войны и впоследствии... Расскажи о себе и обо всех остальных. Сколько времени ни одна из моих учениц не писала мне — свыше сорока лет!..

У меня остались прекрасные воспоминания о России и обо всех вас, мои дорогие дети, которые работали со мной так серьезно и жизнерадостно... Моя любовь тебе и всем остальным девочкам». А девочкам этим было по шестьдесят, и большинство из них уже были бабушками...

Ирма успела обменяться несколькими письмами с В. Бойе, а также и с И. Шнейдером.

В 1977 году В. Бойе получила из Америки письмо от мужа Ирмы Дункан Шермана Роджерса с сообщением о том, что его супруга скончалась от приступа астмы в Санта-Барбаре в возрасте 80 лет.

Гив ЛАХУТИ

